

**АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА**

На правах рукописи

УДК 398.8

КУЗНЕЦОВА Валентина Павловна

ПРИЧИТАНИЯ В СЕВЕРНО-РУССКОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

10.01.09 – фольклористика

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

МИНСК 1988

1992 г.

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Научный руководитель – доктор филологических наук Б.Н.ПУТИЛОВ

Официальные

оппоненты : доктор филологических наук,

Б.П.КИРДАН /Москва/

кандидат филологических наук И.К.ТИЩЕНКО /Минск /

Ведущая

организация – Иркутский педагогический институт

Защита состоится " 3 " июня 1988 года в 14 часов

на заседании специализированного совета К 006.07.01 по присуждению ученой степени кандидата наук в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР / 220600 Минск, ГСП, ул.Сурганова, 1, корп.2 / .

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им.Якуба Коласа АНБССР / Минск, ул. Сурганова, 15 / .

Автореферат разослан " 28 " июня 1988 г.

131029к
Л.М.СОЛОВЕЙ

Ученый секретарь специализированного совета

кандидат филологических наук Л.М.СОЛОВЕЙ

БИБЛИОТЕКА
Карельского филиала
Академии наук СССР

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Одной из ведущих задач отечественной фольклористики является исследование этнографических связей фольклора. Без их учета невозможно изучение происхождения и закономерностей жизни фольклорных сюжетов и образов. Особую актуальность приобретает исследование типологического многообразия и специфики функциональных связей обрядового фольклора. Решение задач, поставленных в настоящей работе, способствует изучению таких произведений обрядовой поэзии как свадебные причитания, их связей с обрядовым действием и с теми представлениями, на которых формируется обряд. Это позволяет подойти к сложным, но очень существенным проблемам семантики обрядовых словесных текстов и всего обряда в целом.

Обряд является системой, способной отражать изменения исторической действительности и уровня общественного сознания. Ему принадлежит существенная роль в социокультурных процессах, поэтому возникает необходимость ориентироваться на традиционные обряды, учитывать их внутренние закономерности и условия бытования.

В связи с современными социальными потребностями возросло значение исследования всех элементов народной культуры, усвоения ее лучших традиций. Фольклор Русского Севера заслуживает в этом плане особого внимания. Свадебные причитания занимают важное место в системе жанров северно-русского фольклора, именно здесь традиция причитывания отличается наибольшей развитостью.

Духовная культура северно-русской этнографической группы развивалась в процессе длительного взаимодействия с иноэтничной культурой. Настоящая работа будет способствовать изучению особенностей, которые сложились в результате этого процесса. Это также дает основания считать избранную тему актуальной, так как вопросы взаимодействия традиций различных этносов стоят в ряду наиболее важных в настоящее время.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является изучение места и роли причитаний в северно-русском

свадебном обряде.

Автором были поставлены следующие основные задачи:

- подойти к свадебному обряду как к обряду перехода и определить, на каких этапах исполняются причитания;

- рассмотреть акциональные связи причитаний с другими "языками" обряда - перемещением в пространстве, позами, жестами и т.п.;

- определить закономерности, в соответствии с которыми строятся тексты свадебных причитаний;

- рассмотреть семантические связи мотивов и образов свадебных причитаний с мифологическими представлениями;

- сопоставить причитания с фольклорными и "этнографическими" текстами обряда в плане семантики.

Для анализа акционального соотношения различных "языков" обряда потребовалась наиболее полная запись одного из вариантов свадьбы, поэтому был проведен особенно тщательный сбор материала в полевых условиях.

Методология и методика исследования. Методологической основой диссертации послужили труды классиков марксизма-ленинизма, в которых заложены принципы диалектического подхода к устному народному творчеству как активной форме общественной идеологии, не только отражающей определенные отношения, но и воздействующей на жизненные процессы. Существенное значение для исследования имели методологические разработки в трудах советских фольклористов, которые развивают положения о социально-исторической обусловленности народного творчества, о способности фольклора решать задачи преобразования действительности.

Задачи, поставленные в работе, решаются на основе изучения и обобщения источниковедческих данных; при собирании материалов был использован метод непосредственного полевого наблюдения. В диссертации применен сравнительно-типологический метод. Оказался целесообразным семиотический подход к обряду как к совокупности фольклорных и "этнографических" текстов. Это позволило решить многие вопросы, касающиеся структуры свадебного обряда, семантики и внетекстовых связей его элементов.

Научная новизна и практическая ценность работы. Диссертация является первым исследованием, в котором обобщен обширный

материал по локальным традициям свадебного обряда и обрядового фольклора Русского Севера. Впервые свадебные причитания рассматриваются в контексте обряда, в связи с представлениями, социальными институтами и бытовыми нормами русского населения этого региона.

Благодаря типологизации внефольклорных связей выявляются основные особенности композиции и содержания фольклорных обрядовых текстов. Впервые предпринимается попытка определить семантические связи фольклорных мотивов и образов с обрядовыми играми, действиями, реквизитом и т.п. северно-русской свадьбы. Это способствует изучению закономерностей существования обряда как единой устойчивой системы, которая может выполнять определенные социальные задачи. Без знания этих закономерностей невозможно создание и закрепление новой обрядности.

В научный оборот вводятся новые фольклорные и этнографические архивные материалы, дополненные полевыми наблюдениями.

Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы для изучения свадебных обрядов и поэзии других народов, особенно соседних финно-угорских, имеющих много общего в обрядовом комплексе.

Результаты работы могут быть применены при чтении основных и специальных курсов по фольклору и этнографии. Они представляют интерес для специалистов, занимающихся сбором фольклорных и этнографических материалов, поскольку дополняют методику полевых исследований.

Материалом для диссертации послужили публикации в дореволюционной и советской научной литературе, местной периодической печати. Во второй половине XIX в. появились первые сборники, в которые наряду с другими произведениями русского устного народного творчества были включены свадебные причитания и песни. Среди наиболее крупных можно назвать издания, подготовленные П.Н.Рыбниковым, Е.В.Барсовым, П.В.Шейном, П.С.Ефименком, Ф.М.Истоминным и Г.О.Дютш, О.Х.Агреновой-Славянской и другие. Публикации северно-русской свадебной поэзии и сведений фрагментарного характера по обрядам имеют в дореволюционных периодических изданиях: "Живая старина", "Этнографическое обозрение", "Записки Русского географического общества", "Памятные книги Олонец-

кой губернии" и других, а также в газетах "Олонецкие губернские ведомости", "Олонецкая неделя" и т.п. Хороший фактографический материал имеется в современных сборниках, в которых представлены локальные свадебные традиции Терского берега Белого моря, Поморья, Пинежья, Новгородской области, некоторых районов Вологодской области и т.д.

Источниками для диссертации послужили и материалы фонотеки Института языка, литературы и истории, Научного архива Карельского филиала АН СССР. Существенную часть сведений, которые используются в работе, составляют полевые материалы автора, собранные на территории Медвежьегорского, Пудожского районов Карельской АССР, в Вологодской, Мурманской областях в течение 1974-1986 гг. Во время экспедиций было произведено 69 записей свадебного обряда, 211 свадебных причитаний, 164 обрядовых песен, десятков других жанров свадебного фольклора.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в публикациях и следующих докладах: на республиканской научной конференции "Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии" (Петрозаводск, 1981); на третьей зональной научно-теоретической конференции молодых ученых по общественным наукам "Актуальные вопросы изучения экономического и культурного развития Европейского Севера СССР" (Архангельск, 1982); на республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов "Актуальные проблемы общественных наук" (Петрозаводск, 1982); на республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов "Актуальные вопросы общественных наук" (Петрозаводск, 1985); на XVII Всесоюзной финно-угорской конференции (Ижевск, 1987).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании сектора фольклора Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы и архивных материалов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении излагаются проблематика исследования обрядового фольклора, а также положения, имеющиеся в современных исследованиях об обряде и его роли в культурно-исторических процессах. Обращается внимание на работы, посвященные теории обрядового текста. Определяются степень изученности свадебных причитаний и наиболее актуальные аспекты исследования, ставятся цели и задачи диссертации. Обосновывается научная новизна работы. Излагаются методологические предпосылки и методика изучения.

Кратко говорится о привлекаемых источниках - публикациях, архивных и полевых материалах. Дается характеристика Русского Севера как региона, имеющего определенные особенности в языке, в этнографическом комплексе, в устном народном творчестве.

В первой главе "Место причитаний в структуре северно-русского свадебного ритуала. Организация текста причитания" определяется место и назначение обрядов, в которые были включены причитания, в северно-русской свадьбе; рассматривается роль причитаний в обрядовом действии, соотносимость их исполнения с другими "языками" обряда. Исследуются закономерности построения текста причитания.

Значение обрядов, в которые включены причитания, определяется как отделение и лиминальная, или "пороговая" фаза. Это этап свадьбы, начинавшийся с момента окончательного стовора двух сторон - "просватовства" (наиболее употребительный термин) и заканчивавшийся отъездом невесты и жениха в церковь для венчания. На этом этапе происходило отделение невесты от своего рода, дома(жилища) и половозрастной группы девушек.

Невеста является центральным персонажем обрядов отделения. На Русском Севере существовала традиция причитывания с подголосницей. Во время акта исполнения она являлась эквивалентом невесты, поэтому в причитаниях не отражены ее действия и роль в свадебном обряде. Причитывание можно рассматривать как ритуализованную речь невесты, или как один из способов выражения ее "порогового" состояния. В словесном тексте фиксируется изменение социального статуса просватанной девушки, ее приниженное положение, утрата девичьей воли, красоты, физической силы. В причитаниях говорится о том, что невеста "не узнает" те места, которые

прежде были знакомы, "не может" самостоятельно передвигаться, "не видит" дневного света. Причитывание являлось необходимым способом общения с "пороговой" личностью. (Подобный способ использовался и в "общении" с умершими. - *Konkka U., 1985*).

Во время исполнения причитаний происходит перемещение невесты и других персонажей в обрядовом пространстве, совершаются определенные действия. Для того, чтобы представить картину акционального взаимодействия причитаний с обрядом, потребовалось выделить единицу обрядового действия, по возможности наименьшей. За такую единицу принимается ритема - совокупность целенаправленных актов, обладающая смысловой завершенностью и функциональной значимостью в рамках данного обряда. Определение ритемы предложено Т.Я.Елизаренковой и А.Я.Сыркиным (1965). Составляющими ритемы являются словесный текст и имеющие знаковый характер действия персонажей. Важное значение имеет обрядовое пространство и реквизит, который используется во время исполнения. Для детального рассмотрения берутся записи свадебных обрядов и фольклора Заонежья и Пудожья Карелии. Инвариантная схема этапа свадьбы, в который включены причитания, выглядит здесь следующим образом: 1.просватовство (богомолье, рукобитье); 2.невеста ездит с "добровтом" (гуляние невесты, гощение у родственников); 3.вечеринка; 4.девичья баня; 5.свадьба (встреча жениха, расставание невесты с "волей"). В каждом из этих обрядов рассматривается последовательность обрядовых действий и исполнение текстов причитаний в соответствии с ними. Кратко излагается содержание обряда, определяются его задачи, действующие лица, обрядовое пространство, реквизит и т.п. Приводится одиннадцать схем, в которых показано деление обрядового действия на ритемы: смысловые фрагменты текста причитания и соответствующие им жесты, перемещения и т.п. Это дает возможность выявить функции, которые выполняют причитания. Словесный текст часто содержит всю "программу" обряда: им определяется начало и завершение обрядового действия; соответственно увеличению или уменьшению объема причитания регулировалась продолжительность обрядового времени. В причитании определяется последовательность событий, регламентируется расстановка персонажей, дается сигнал для участников обряда к совершению определенных действий. При этом

соблюдается традиционная родовая иерархия (на первом плане роль отца, на втором матери и т.д.). Одна из функций причитаний - это фиксация уже происшедших событий. Словесный текст как бы дублирует наиболее существенное. Часто причитание синхронно с перемещением, жестами описывает эти обрядовые действия. Таким образом, происходит повтор, закрепление информации, передаваемой одновременно на разных "языках" обряда.

Причитания могут полностью или частично заменять обрядовые действия. Такое явление наблюдается в обряде девичьей бани, который подвергся значительной редукции в некоторых местных традициях. Словесный текст "напоминает" о тех событиях, которые должны были состояться, но в действительности не производились. Тем не менее, исполнение причитаний приравнивалось к обрядовым действиям и считалось достаточным для соблюдения традиционной нормы. Существенным моментом является соотнесенность исполнения причети с пространственным перемещением невесты. В обряде просватовства она проходит обязательный путь по диагонали избы от переднего угла к печи, а затем к лавке. Если учесть значимость диагонали в пространственной ориентации жилища (красный угол указывал на полдень, свет; печной - на тьму, заход - Байбурин А.К., 1983), то можно рассматривать перемещение невесты как путь к северной, темной стороне. Нахождение невесты в заднем углу соответствует, по-видимому, периоду изоляции, необходимому в обрядах перехода. Переходной зоной является лавка, на которую садится невеста. Здесь происходят обряды прощания с представителями своего рода, половозрастной группы. Особую трудность представляло преодоление входов и выходов, оно обязательно сопровождалось причитыванием. В словесных текстах отражено значение внутреннего пространства дома, связанное с социальной структурой коллектива: деление на мужскую и женскую части, локусы, имеющие отношение к группе незамужних. Исполнение определенных фрагментов причитаний происходит с учетом семантики обрядового пространства.

Организация текстов причитаний самым непосредственным образом связана с развитием ритуального действия, в ней отражены все его обязательные этапы. Большую роль в композиции текстов играет стереотипия. Наблюдаются случаи многократного повторения

одних и тех же текстов с незначительными вариациями. Эта стереотипия подсказана самим обрядовым действием, этапы которого зачастую повторяются. Хорошо просматривается клише каждого причитания по вариантам текстов одной местной традиции. Выделяются стереотипные схемы причитаний, мотивы-формулы, которые поддаются типологизации. Используются вопросо-ответные формы, как диалог строятся причитания невесты и других персонажей.

Во второй главе "Мифологический контекст северно-русских свадебных причитаний" рассматриваются вопросы происхождения и семантики мотивов и образов, их связи с представлениями, культурами, социальными институтами.

Одной из главных задач исследования семантики обрядового текста является изучение его связей с мифом. Когда речь идет об обряде, миф понимается как система представлений о строении мира; в этом случае словесный текст является лишь частным случаем реализации модели мира (Байбурин А.К., 1981). Исследователями установлено, что мифологические связи проявляются в сюжетике обрядов, персонажах, различных реалиях, реминисценциях и т.п.; мифологический фон создает специфическую атмосферу ритуала (Путилов Б.Н., 1980).

Функционирование мифологического плана в словесных текстах определяется задачами обряда. Чаще всего назначение последнего нельзя определить однозначно. Так, обряды отделения направлены на отчуждение невесты от определенной социальной микроструктуры, и в то же время они способствуют благоприятному воздействию на судьбу девушки, переходящей в другой род, обеспечению благополучия оставляемого ею родового коллектива. Эта направленность и отражена в причитаниях.

Для того, чтобы произошло отделение от половозрастной группы девушек, невеста должна была лишиться своей "воли", или "красоты". Эти термины встречаются во всех причитаниях на этапе отделения. Их содержание отличается сложностью и многообразием, что уже отмечалось исследователями. В семантике "воли-красоты" видится прежде всего социальная сущность, которая является основой статуса незамужней девушки. В ходе обрядов отделения невеста лишалась этой сущности, что и подготавливало ее переход в другую социальную категорию.

Причитание должно было способствовать отделению "воли-красоты" от девушки. В нем говорилось о действиях, которые означают удаление, отсоединение. В причитаниях просматривается мифологема "умерщвление(уничтожение) воли-красоты". Она предается земле, попадает в нижний мир, на морское дно, в места, расположенные далеко, отправляется в темную ночную сторону и т.п.

"Воля-красота" перевоплощается, принимает зооморфный и орнитоморфный облик, отправляется в лес, поле, на озеро, реку или море, к солнцу, месяцу, звездам. Чаще всего "воля-красота" конкретизируется в облике утки или лебеди. В причитаниях встречается мотив появления птицы на волосах невесты; в птицу превращается девичий головной убор, ленты, косынка и т.п. Лебеди или утке уподобляется сама невеста, причитывание - крику птицы, родительский дом - гнезду, девушки - стае лебедей. Часто встречаются мотивы гибели утки/лебеди-невесты, которые восходят к мифологеме "охота". В причитаниях просматривается целый мифологический сюжет: "воля-красота" превращается в лебедь/утку, улетает на озеро, реку, болото, в темный лес; жених охотится на нее, убивает; он является обладателем атрибутов охотника и воина. Жених-охотник во многих случаях приобретает орнитоморфный облик, так же как и невеста. Это селезень, который догоняет в реке утку, убивает; жених и сопровождающие его мужчины изображаются как соколы, которые охотятся на "волю". Помимо утки или лебеди "воля-красота" может перевоплощаться в рыбу. Жених вылавливает ее из озера или реки.

В причитаниях имеются мотивы, говорящие о связи "воли-красоты" с деревом. Отделившись от девушки, она оказывается на ветках, висит как предмет (напр., ленты), перелетает как птица. Имеет значение порода дерева. Чаще всего это осина, ольха, просто сухое дерево - символы несчастливой женской судьбы. Особую семантику имеет береза, обладающая положительными качествами. Невеста просит вытопить баню березовыми дровами, приготовить из веток веник, она отождествляет себя с этим деревом. В мотивах причитаний просматриваются явные следы культа березы.

Важнейшее значение имеет мифологема "темный лес". Он понимается как пространство, расположенное далеко. Путь "воли-красоты", конечной точкой которого является лес, лежит через си-

бирские окраины, глубокие моря, широкие озера, быстрые реки, на край света. Эквивалентами дремучего леса являются высокие горы, болота, сырой бор. Лес осмысливается в причитаниях как иной мир, в нем "воля-красота" оставалась навсегда. Значение леса может переходить в социальный план, он расценивается как концептуальная граница своего и чужого пространства (Байбурин А.К., Левинтон Г.А., 1978). Из-за леса поднимается и накатывает на дом невесты грозная туча, под которой подразумеваются женихи. "Темный лес" известен как один из структурных элементов волшебной сказки. Включение его в словесные тексты свадебного обряда говорит о наличии общих элементов в обряде посвящения и в свадьбе как обряде перехода.

Широко распространен в причитаниях мотив появления тучи. Она несет с собой разрушение, смерть, неволю. В этом образе просматривается и семантика другого плана, не имеющая отношения к значению -чужой род, -неволя. Туча связана с грозой, молнией. Из нее вылетает громовая стрела, "горюч камень". Молния попадает в невесту. Известно, что громовой камень, гром, огненная стрела являются атрибутами славянского божества грома и дождя, царство громоносных дождевых облаков связано с именем Перуна (Афанасьев А.Н., 1868). Причитание "напоминает" об этих древних представлениях, о почитании небесного огня и сохраняет таким образом мифологическое осмысление мотивов о смерти невесты от грома и молнии.

В причитаниях встречается понятие "сада". Он символизирует девичество, волю; в то же время это свой дом, девушки-подруги; невеста говорит о себе как о яблоне в родительском саду. Его растения обладают исключительно привлекательными качествами, в то же время они очень хрупкие. С приходом жениха сад гибнет. Разрушение соответствует перемене в жизни девушки, смерти "волей-красоты".

В мотивах и образах причитаний нашли отражение древние представления о важной роли воды в брачных обрядах. Об этом свидетельствуют в первую очередь мотивы расставания с "волей-красотой", в которых упоминаются река, озеро, море, колодец. "Красота" отправляется на реку, плывет по течению, превращается в утку, лебедь или рыбу, присоединяется к другим птицам или ры-

бам. "Воля-красота" - эквивалент девушки и охотящийся жених оказываются у одного источника. Особое место занимает тема приготовления воды для бани. В причитаниях перечисляются колодцы, реки, моря, из которых будто бы приносили воду. Среди них встречаются названия реальных объектов (Онежское озеро, Белое море, река Свирь и др.), водоемов без конкретных названий; гидронимы, связанные с именами языческих богов, христианских подвижников, основателей монастырей; названия, которые имеют экспрессивную окраску. Как правило, источников было три, семь, двенадцать, тридцать три. Названия источников, их количество говорят о том, что вода, приготовленная для бани, наделялась особыми свойствами.

Магическое значение имели дрова для бани. Деревья, из которых они готовились, должны были иметь положительные качества. В причитаниях говорилось, будто бы баня топилась также травами, цветами, имела самый привлекательный вид. По-видимому, не всегда имелись в виду какие-то магические свойства, в данном случае объединяется "красивое" и "священное", это должно было способствовать возникновению положительных ассоциаций, придать обряду посещения бани наибольшую привлекательность.

Предсвадебная баня часто оформляется как кульминация всего свадебного обряда. Во многих случаях ее посещение соответствует моменту утраты невестой "воли-красоты". Некоторые исследователи считают, что баня генетически связана с древней формой заключения брака у воды, известной у восточных славян. Северно-русские материалы подтверждают справедливость такого мнения. Мотивы причитаний "невеста идет в баню" и "невеста идет к источнику" одинаковы по своей семантике. С другой стороны, в причитаниях и обрядах нельзя не увидеть факты, говорящие о почитании духа, хозяина бани.

Большую роль в свадебных обрядах Русского Севера играла икона с изображением богородицы. Она считалась покровительницей рода, женским божеством. В причитаниях невеста отправляет к ней свою "волю". Мотивы, в которых фигурирует богородица, по-видимому, имеют мифологические реминисценции. Это относится к текстам, в которых просматривается связь богородицы с землей, полем. В народных представлениях существуют ассоциации земли с богородицей, что уже отмечалось (Успенский Б.А., 1981).

Среди объектов, которым невеста отдает "волю-красоту" часто упоминаются солнце, месяц, звезды. Известно, что эти образы в фольклоре восходят к древним представлениям о строении макрокосма, они связаны с такими противопоставлениями, как небо-земля, восток-запад, север-юг, светлый-темный и т.д. (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1965). Наиболее устойчивым элементом небесной триады является солнце. В мотивах причитаний выражены представления о суточном и годовом цикле природы, о строении пространства. Со сторонами света соотносятся оппозиции зима-лето, весна-осень, тепло-холод. С солнцем связаны противопоставления, которые отражают пространственную и временную модель мира, а также имеют социальную значимость: жизнь-смерть, счастливый-несчастливый. Исследователи отмечают семантическую многозначность солнца, месяца и звезд в народных представлениях (Бернштам Т.А., Лапин В.А., 1981). В свадебных причитаниях отец и мать идентифицируются с небесными божествами. Единая сущность родителей и солнца соотнесена с семантикой внутреннего пространства дома. В большинстве случаев с солнцем идентифицируется отец. Мифологический мотив "отец-солнце" оказывается связанным с сопоставлением отец-большой угол, в котором проявляется социальная значимость внутреннего пространства дома, деление на мужскую и женскую части.

Обязательным элементом многих местных традиций было разгадывание невестой "вещего сна". Гадание связано с положением людей в сложных социальных ситуациях (Тэрнер В., 1983). Для девушки, переходящей в другой род, жизненно важной задачей являлось предотвращение отрицательного отношения родственников мужа, снятие их враждебности. Этой цели, очевидно, подчинены сны-гадания. Вследствие разгадывания отрицательных качеств и явлений происходит их ликвидация. Часто основные оценки в снах-гаданиях выражают пространственные признаки чужой стороны, представления о ее обитателях как о мифических зооморфных существах. Чужая сторона изображается как неудобная, непригодная для человека. В мотивах, описывающих пространство, просматриваются космологические схемы. В снах-гаданиях значительное место принадлежит мотивам, в которых говорится о реке, озере, море: река уносит "красоту", уточка плавает в озере, море разливается под

окном и т.п. Их символика довольно прозрачна, они встречаются не только в снах-гаданиях и уже рассмотрены выше.

В такой момент, как вступление в брак, необходимо было заручиться расположением и покровительством предков. Умершие родственники, как и прежде, считались членами родового коллектива. Основным способом "общения" с ними, языком, который был "слышен" и понятен им, было причитание. Невеста-сирота обязательно посещала кладбище или "приглашала" умерших родителей в дом. В свадебных причитаниях имеются такие же элементы, как и в похоронных. Это относится к представлениям о птице-посреднике между "этим" и "тем" светом; перевоплощении "воли-красоты"-души девушки и "души" умершего в птицу; иной мир в похоронной причете тоже интерпретируется как мифологический низ; пространство, расположенное далеко; темный лес. И в том и в другом виде причеты имеются мотивы, связанные с небесными божествами. Так же как и "воля-красота" невесты, умершие удаляются к солнцу, месяцу, в заоблачное пространство.

Третья глава "Соотношение свадебных причитаний с другими текстами северно-русского свадебного ритуала (в плане семантики)" посвящена изучению содержания словесных и несловесных текстов, взаимосвязи значений обрядовых игр, жестов, звуковых сигналов, предметов, фольклорных мотивов и образов.

Обряд имеет семантическую систему, элементы которой проявляются в фольклорных и "этнографических" текстах. В результате изучения содержания причитаний, одного из наиболее информативных его "языков", были выявлены некоторые из этих элементов.

Существование "воли" и "красоты" в конкретизированном, материализованном виде (обрядовый предмет, волосы невесты) давало возможность производить определенные действия, использовать помимо вербального, визуальный код, столь важный в обряде. Мифологема "уничтожение, умерщвление воли-красоты" просматривается не только в словесных текстах, но и в обрядовых действиях. Имеется в виду уничтожение обрядового предмета, например, ленты; гибель деревца-символа "красоты". Эквивалентами им по семантике являются действия, которые производились с волосами невесты - расплетение косы, расчесывание и т.п. Непосредственное отношение к волосам невесты, перемене прически имеет традицион-

ные подарки жениха - мыло, зеркальце, гребень. Мотивы причитаний, в которых говорится о "воле-красоте", соотнесены с семантикой обрядовых предметов и действий. Однако, содержание словесных текстов гораздо шире, в них "воля-красота" - это мифологический персонаж, обладающий определенными свойствами, с ним происходят различные события. Благодаря причитаниям осуществляется мифологизация обрядовых ситуаций, действий, которые производятся с "волей-красотой" - обрядовым предметом.

Один из самых значительных элементов семантической системы северно-русского свадебного обряда - это мифологема "охота". Тема охоты широко разработана не только в причитаниях, но и в других словесных текстах - свадебных песнях, приговорах дружки. В них уже не "воля-красота", а сама невеста оборачивается лебедью, уткой, которая становится добычей жениха-охотника. Об охоте упоминает игра за свадебным столом, когда молодая "снимает порох"; сюда же относится обычай бросать при встрече молодых перья, сорить перьями, сидеть на подушке, набитой пером, класть перья под повойник молодой и т.п. В причитаниях упоминается о приготовлении ритуального блюда из убитой утки/лебеди. О том, что гости едят такое угощение, говорится и во многих свадебных песнях. Имеются свидетельства о существовании обычая приготовления блюда из птицы для молодых. В описаниях обрядов упоминается об обычае стрелять из ружья. Значение выстрела расценивается носителями традиции и некоторыми исследователями как защита от злых сил. По-видимому, выстрелы являются не только апотропеическим средством, но и элементом охоты. Проявление мифологемы "охота" в северно-русском свадебном ритуале очень разнообразно. Она читается и в причитаниях, и в песнях, диалогах действующих лиц, ритуальных атрибутах, играх, особом поведении участников обряда.

Так же как и в причитаниях, в свадебных песнях имеется мифологема "темный лес". Об этом говорят мотивы: молодость улетает в лес, садится на дерево; из-за леса вылетает стая гусей (по-езжане), вытекает вода, по которой плывут гуси.

Как уже отмечалось, важная роль в обрядах расставания с "волей-красотой" принадлежит воде. Это отражено в мотивах причитаний, среди которых выделяется такой как "невеста отдает волю-красоту реке, озеру". Ближким ему по семантике является мотив

"девушка идет к источнику (реке, озеру, морю)", который в самых разнообразных вариантах имеется и в свадебных песнях. Обрядовые действия (умывание невесты, посещение реки, колодца и т.п.) имеют то же значение, что и мотивы словесных текстов, в которых "воля-красота" попадает на реку, озеро, море.

Мотив небесной триады имеется, помимо причитаний, и в свадебных песнях. Персонажами, которые сравниваются с солнцем, месяцем, звездами, являются родственники жениха (в причитаниях с солнцем идентифицируются родственники невесты). В первую очередь это относится к виноградьям со свадебно-брачными сюжетами, которые бытовали на Русском Севере как свадебные обрядовые песни. Мотив, в котором родители жениха изображаются как светила, восходит к мифологическому представлению о супружеских отношениях солнца и луны, солнца и природных стихий, или зари и месяца. В мотивах вышивания небесной триады наблюдается замена солнца символами государства и церкви. Элементы триады используются в свадебных песнях, где дом, деревня предстают как центр мира. Мотив причитаний, в котором говорится о вышивающей девушке, обнаруживает большое сходство с подобным мотивом свадебных песен. Однако, в каждом жанре есть своеобразие. В причитаниях помимо небесной триады и других элементов мира девушка вышивает "волю", украшает ее. В свадебных песнях мотив вышивания "воли" не зафиксирован. И в тех, и в других текстах есть мотивы вышивания полотенца, рубашки невесты. В песнях тема вышивания, ткань разработана более широко.

В причитаниях выделяются мотивы, в которых выражается представление о необходимости периода изоляции для невесты. Существовал специальный обряд "закрывания" девушки (накрывание платком); уход в печной (задний, кутный) угол, сидение в этом углу также означает изоляцию. В мотивах свадебных песен о девушке, сидящей за занавеской, отражены обрядовые действия, которые происходили в действительности. Таким образом, содержание обряда выражается в содержании словесного текста, служит элементом его сюжета.

Повторение одних и тех же мотивов чаще всего встречается в текстах свадебных причитаний и песен, что объясняется определенным родством этих жанров, а иногда и одинаковой функцией в обряде. С другой стороны, функции свадебных причитаний и песен могут

быть различны, в зависимости от назначения обрядов, в которые они включены. Соответственно изменяется и содержание словесных текстов. Например, в причитаниях соблюдается табу на имя жениха, поскольку он, так же как и невеста, в "пороговый" период терял свое имя. В свадебных величальных песнях, напротив, название имен брачующихся имело важнейший смысл, так как назначение обрядов менялось, они способствовали присоединению невесты к роду жениха и к категории замужних женщин и переходу жениха в категорию женатых мужчин.

В заключении делаются общие выводы о месте и роли причитаний в свадебных обрядах, намечаются проблемы, которые подлежат перспективному изучению.

Рассмотрение причитаний в контексте северно-русского свадебного обряда позволило раскрыть некоторые общие вопросы, связанные с изучением свадебных причитаний как жанра обрядовой поэзии. Особенности этих произведений устного народного творчества в значительной степени определяются внефольклорными связями с самим обрядом и с широким контекстом действительности. Для понимания закономерностей возникновения и развития обрядовых словесных текстов важнейшее значение имеет понимание обряда, его места в жизни традиционного общества. Ориентация обряда на самые существенные явления, на перестройку всей системы социальных связей коллектива сказывается на особенностях его структурных компонентов.

Содержание причитаний самым непосредственным образом связано с целями и задачами, которые выполняет обряд. В данном случае мы имеем дело со свадьбой как обрядом перехода. Причитания исполняются только на первом этапе свадебного обряда, который соответствует отделению и "границе". В это время невеста находится в "пороговом" состоянии, демонстрирует признаки временной смерти. Причитывание является ритуализованной речью невесты, для других персонажей это один из языков общения с "пороговой" личностью. Причитания играют существенную роль в движении обрядового действия: определяют рамки ритуализованного времени, служат сигналом для начала и завершения обряда; задают порядок вступления исполнителей, содержат "программу" того обряда, в который они включены. Композиция текстов строится в соответствии с развитием обрядового действия. Однако, в некоторых местных традициях акцио-

нальные моменты отражены очень слабо, или вообще отсутствуют. В таких случаях на первый план выдвигается выражение эмоционального настроения. Большую роль в композиции текстов причитаний играет стереотипия. Вопрос о стереотипии затрагивает такую дискуссионную тему, как импровизационность обрядовой причеты. Целесообразно включить его в число перспективных, подлежащих углубленному изучению.

Содержание свадебных причитаний обращено не только непосредственно к "шагам" обряда, быту, психологии. В них обнаруживаются явные мифологические связи. Мифологический план активно взаимодействует с обрядом, способствует осуществлению задач обрядового действия. В причитаниях просматривается мифологическая модель мира, включающая элементы разных уровней - от макрокосма до человека.

Сопоставление содержания свадебных причитаний и содержания других словесных текстов обряда, а также значения обрядовых игр, предметов, жестов, звуковых сигналов и пр. показало, что одна и та же мифологема читается в фольклорных и "этнографических" текстах. Наиболее существенные значения повторяются, передаются на разных "языках". Это обеспечивает устойчивость всей системы обряда, надежность ее функционирования.

Исследование семантической системы свадебного обряда позволяет сопоставить ее с системами других обрядов, которые строятся по такой же схеме. Обнаруживаются общие структурные элементы с обрядами инициации, похорон, проводов в рекруты. Интересные результаты может дать сопоставление семантических систем одних и тех же обрядов разных народов.

Положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. К описанию регионального типа русской свадьбы Пудожского района // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Петрозаводск, 1981. С.65-66.

2. Местные особенности обряда расставания невесты с "волей" (Пудожье) // Актуальные вопросы изучения экономического и культурного развития Европейского Севера СССР. Архангельск, 1982. С.79-80.

3. О полисемантической образе "воли" в русских свадебных причитаниях Карелии // Актуальные проблемы общественных наук.

Петрозаводск, 1982. С.99-101.

4. О мифопоэтической основе свадебных причитаний (по северно-русским материалам) // Актуальные вопросы общественных наук. Петрозаводск, 1985. С.82-83.

5. К проблеме соотношения обряда и причитания (на материале русской свадьбы Карелии) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983. С.56-67.

6. О мифологическом контексте северно-русских свадебных причитаний // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С.80-97.

7. Соотношение причитаний с другими текстами северно-русского свадебного ритуала (в плане семантики) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С.100-116.

8. "Уточка" в вербальных и невербальных текстах северно-русских и финно-угорских свадебных обрядов // ХУП Всесоюзная финно-угорская конференция. Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение. (Тезисы докладов). Т.П. Устинов, 1987. С.258-260.

В. Устинов